

3/61507(он)

ГОДИН

Октябрь 2022 • №10

16+

Исторический
научно-популярный
журнал

**В 1918 ГОДУ
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
МАТРОС СПАС
ОТ СМЕРТИ
МАТЬ НИКОЛАЯ II
ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ДОМА РОМАНОВЫХ**

ЦАРСКОЕ ДЕЛО КОМИССАРА ЗАДОРОВЖНОГО

Мария Фёдоровна

Николай Николаевич мл.

Петр Николаевич

Ольга Александровна

Ксения Александровна

Текст: Юлия Кудрина, кандидат исторических наук

ЦАРСКОЕ ДЕЛО КОМИССАРА ЗАДОРЖНОГО

В 1918 ГОДУ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАТРОС СПАС ОТ СМЕРТИ МАТЬ НИКОЛАЯ II
ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДОМА РОМАНОВЫХ

В Во время Гражданской войны из 60 представителей дома Романовых, царствовавшего в России на протяжении трех с лишним веков, погибли 19 человек, включая последнего императора Николая II и его семью. Среди уцелевших—те, кто на переломе Истории оказался в Крыму.

Их спас матрос Филипп Львович Задорожный, личность которого до сих пор остается загадкой для историков.

«Вооруженный до зубов гигант...»

После Февральской революции представители бывшего правящего дома Романовых стали перебираться в свои крымские имения—Ливадию, Дюльбер, Чаир, Ай-Тодор. Туда уехали дядя бывшего императора и в недавнем прошлом Верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич (младший), мать Николая II вдовствующая императрица Мария Федоровна с дочерьми Ксенией и Ольгой Александровной, великие князья Петр Николаевич и Александр Михайлович с приближенными.

*1

Комиссар Филипп Львович Задорожный.

02

03

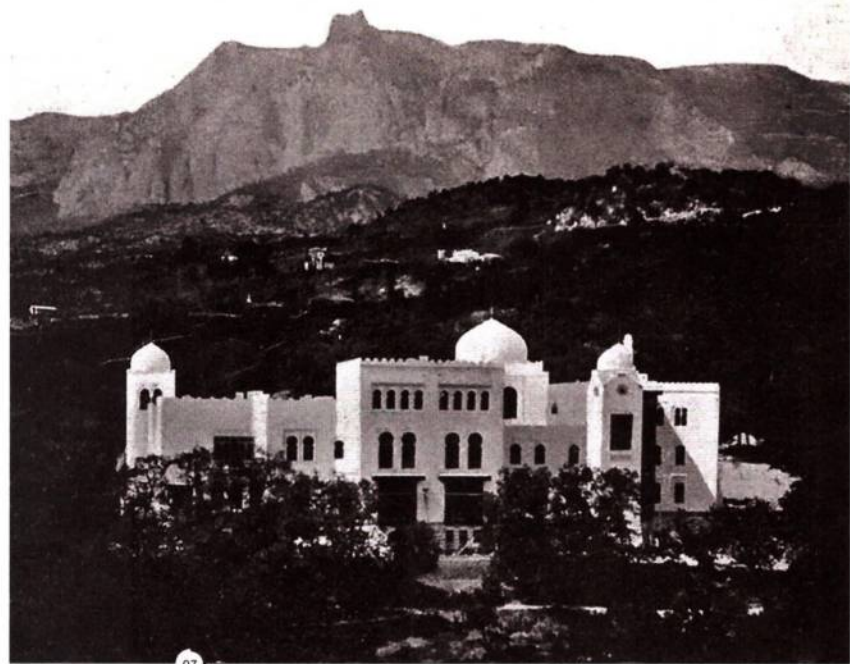
04

05

06

07

°2
Вдовствующая импера-
трица Мария Фёдоров-
на (1847-1928).

°3
Великий князь Николай
Николаевич (младший)
(1856-1929).

°4
Великий князь
Петр Николаевич
(1864-1931).

°5
Великая княгиня
Ксения Александровна
(1875-1960).

°6
Великая княгиня
Ольга Александровна.
(1882-1960).

Их размеренная и почти курортная жизнь резко изменилась после большевистского переворота.

В условиях революционного хаоса положение «бывших» в Крыму стало чрезвычай-но опасным. На Черноморском флоте матро-сы пьянствовали и издевались над офицерами, в селах крестьяне громили помещичьи усадь-бы. Надо ли объяснять, что романовская семья и ее богатая недвижимость, символы старо-го режима, были чрезвычайно привлекатель-ны для грабителей. 25 февраля 1918 года руко-водителем охраны бывших великокняжеских имений был назначен комиссар Ф.Л. Задорож-ный, присланный Севастопольским Советом депутатов.

Великий князь Александр Михайлович так описывал смену власти в Ай-Тодоре:

«Наступил день, когда наш (прежний. — Авт.) комиссар не явился. Мы должны были готовиться к встрече с новыми правителями России. В полдень у ворот нашего имения оста-новился запыленный автомобиль, из которого вылез вооруженный до зубов гигант в форме матроса... После короткого разговора при вхо-де он вошел ко мне без доклада.

—Я получил приказ Советского правитель-ства, — заявил он, — взять в свои руки управление всем этим районом.

Я попросил его сесть.

—Я знаю вас, — продолжал он, — вы бывший великий князь Александр Михайлович, неужели вы не помните меня? Я служил в 1916-м в вашей авиационной школе.

Это означало установление отношений с на-шим новым тюремщиком».

Первым впечатлением о Задорожном поде-лился в воспоминаниях и гостивший в Ай-Тодоре скульптор Г.В. Дерюжинский:

«Он мне показался похожим на человеко-образную обезьяну в морской форме. Высо-кий, довольно неуклюжий, с широким низким лбом и необычайно длинными руками. Он по-жал мне руку и довольно вежливо меня при-ветствовал... Когда он улыбался, его лицо пре-ображалось, становилось почти приятным. И у него была речь образованного человека. «Странная личность», — подумалось мне... На вид страшноват, но когда заговорит, совсем другое дело».

По словам скульптора, комиссар разговари-вал с Романовыми панибратски, великую княж-ну мог окликнуть: «Эй, Ксения, поди-ка сюда». Сразу запретил посещения гостей, конфиско-вал автомобиль. А вскоре потребовал, чтобы все Романовы и их свита из соседних имений пере-ехали в Дюльбер — имение великого князя Пе-тра Николаевича. «По стратегическим сообра-жениям».

Так проще было обеспечить безопасность высокопоставленных заложников Смуты.

«Просто порядочный человек...»

Кем был Задорожный на самом деле, неиз-вестно. Морской ли офицер по профессии и эсер по убеждениям, как он признавался скульпто-ру Глебу Дерюжинскому? Подтверждений это-му нет. Живший в Крыму князь Феликс Юсупов вспоминал:

«Это был огромный человек с неотесан-ным лицом, на котором, однако, можно было за-метить некоторую доброту... По счастью, наша первая встреча прошла наедине... и я вскоре по-нял, что он расположен к нам... Расстались мы

друзьями. Для нас было большой поддержкой сознавать, что мы доверены охране этого человека. При своих товарищах он обращался с нами грубо и ничем не обнаруживал своих истинных чувств».

По свидетельству княгини Лидии Васильчиковой, находившейся в Крыму вместе с Романовыми, «Задорожный был умным и тактичным человеком, и ему удалось избежать трения с заключенными и установить свой авторитет в команде. Трудно сказать, каковы были его политические убеждения. Великие князья считали его монархистом. Я в этом не уверена... Мне кажется, он просто был не террористом, а порядочным человеком, и сделал все, что мог, чтобы не дать большевистским бандам расправиться с охраняемыми им пленниками...»

В распоряжении Задорожного, по свидетельству княгини, находилось сначала 60, а затем еще 20 человек и достаточно оружия, чтобы защитить имение Дюльбер. Что касается режима содержания, то Романовы жили под домашним арестом вполне комфортно. Им не разрешалось выходить за пределы имения, но когда к великой княгине Ксении Александровне привозили ее внучку — трехлетнюю Ирину Юсупову (дочь Феликса Феликсовича Юсупова и его супруги Ирины Александровны — племянницы Николая II), можно было наблюдать, как революционный матрос выступал в роли няньки — «англичанка оставалась за воротами, а ребенка вводил и выводил за ручку Задорожный».

Впрочем, идиллия длилась недолго.

Осада Дюльбера

Дворец Дюльбер, выстроенный в мавританском стиле, имел толстые и высокие стены, что благоприятствовало обороне. Выгодным было и расположение имения. Когда-то близкие насмехались над строившим замок великим князем Петром Николаевичем, но тот отвечал, что нельзя знать, что готовит отдаленное будущее.

Он оказался прав — крепкие стены Дюльбера спасли жизнь Романовым.

Великий князь Александр Михайлович вспоминал, что пленники не получали никаких известий извне. Понять из газет удавалось немного. Но Задорожный часто говорил по телефону с Севастополем, из чего можно было сделать вывод о грядущих осложнениях. И они не заставили себя долго ждать. Причина: конфликт интересов, как сказали бы сейчас, Ялтинского и Севастопольского Советов. Первый искал повод для уничтожения Романовых. Второй — выполнял указания Москвы обеспечить их безопасность.

«Повод» ялтинцы нашли, обвинив Романовых в укрывательстве генерала Орлова, «по-

давлявшего революционное движение в Эстонии в 1907 году». Как оказалось, в одном из соседних имений проживал флигель-адъютант бывшего императора князь Орлов, женатый на дочери великого князя Петра Николаевича, но по возрасту он никак не мог быть генералом в 1907 году. Тем не менее Задорожному было предписано произвести обыски, что вызвало сильнейшее раздражение комиссара:

«В предписании из Москвы говорится о бывшем генерале Орлове, и это не дает Вам ни-

РОМАНОВЫ ЖИЛИ ПОДДОМАШНИМ АРЕСТОМ ВПОЛНЕ КОМФОРТНО. ИНОГДА МОЖНО БЫЛО НАБЛЮДАТЬ, КАК КОМИССАР ЗАДОРОЖНЫЙ ВЫСТУПАЛ В РОЛИ НЯНЬКИ. НО ИДИЛЛИЯ ДЛИЛАСЬ НЕДОЛГО

какого права арестовывать бывшего князя Орлова. Со мной этот номер не пройдет. Я Вас знаю. Вы его пристрелите за углом и потом будете уверять, что это был генерал Орлов, которого я укрывал. Лучше убирайтесь вон».

Тогда Ялтинский Совет предпринял попытку захватить Романовых. Великий князь Александр Михайлович вспоминал:

«Тяжелые подводы, нагруженные солдатами и пулеметами, останавливались у стен «Дюльбера». Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского Совета товарищ Задорожный. Товарищ Задорожный, здоровенный парень двух метров роста, приближался к воротам и расспрашивал новоприбывших о целях их визита. Мы же, которым в таких случаях было предложено не выходить

°7

Дворец Дюльбер в Крыму.

°8

Д. Шмарин. Трагедия Крыма. Расстрел белых офицеров в 1920 году.

из дома, слышали через открытые окна обычно следующий диалог:

— Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский Совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский Совет держит за собою незаконно. Мы даем пять минут на размышление.

— Пошлите Ялтинский Совет к черту! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам ответить севастопольского свинцу!

— Они вам дорого заплатили, товарищ Задорожный?

— Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

— Председатель Ялтинского Совета донесет о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

— Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключенных. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я старый большевик. Я принадлежал к партии еще в то время, когда вы сидели в тюрьме за кражу...»

Несостоявшийся штурм

18 апреля 1918 года германские войска в нарушение Брестского мира вторглись в Крым. На полуострове активизировались антибольшевистские силы. Местные большевики понимали, что вскоре Романовы могут выйти на свободу, и предприняли несколько попыток расправиться с ними.

Когда немецкие войска приближались к Ялте, Задорожный решил раздать оружие узникам Дюльбера, предупредив их, что из-за недостатка людей он не может гарантировать полную безопасность, и потому настаивает, чтобы члены царской семьи взяли охрану имени на себя. По его требованию была создана ночная сторожевая вахта. В случае внезапной

09

10

тревоги Задорожный обещал делать предупредительный выстрел из своего пистолета.

Сын великого князя Петра Николаевича Роман вспоминал:

«В качестве наблюдательного пункта мы выбрали мою ванную комнату, из окна которой хорошо просматривалась дорога на Ялту. Наша сторожевая служба начиналась с вечера и продолжалась вплоть до рассвета. Мы разделились на четыре команды...»

Судьба членов бывшей императорской семьи висела на волоске. Фрейлина Марии Федоровны Зинаида Менгден вспоминала:

«Все это время по ночам лошади императрицы стояли запряженными в экипаж, наготове была и ее верхняя одежда. На случай, если бы красным бандам удалось ворваться в Дюльбер, планировалось вывезти императрицу через боковые ворота в ближайшее поместье, где она могла бы спрятаться в подвале. Сама она об этом плане ничего не знала, и еще вопрос, захотела бы им воспользоваться».

Накануне прихода немцев большевистский наряд уже был направлен в Дюльбер. Но на резком повороте на полной скорости грузовик с солдатами врезался в отвесную скалу — в результате решающий штурм дворца так и не состоялся.

Развязка

Однажды Задорожный, обращаясь к великому князю Александру Михайловичу и имея его уже полным титулом, сообщил: Ялта занята немцами, немецкий генерал интересуется судьбой Александра Михайловича, так как тот приходится дядей кронпринцу. Немцы обещали казнить Задорожного, если с пленниками что-то неладно, но верный долгу комиссар решил никуда не уезжать: «Я не побегу, спасая свою шкуру. Будь что будет». Тем не менее он опасался за свою жизнь. И теперь уже Романовы спасли комиссара.

Немецкий генерал, который хотел арестовать и расстрелять «главаря охраны», был несказанно удивлен, когда великие князья попросили этого не делать.

После смены власти Задорожный вернул конфискованные драгоценности их прежним владельцам. Что это было — исключительная порядочность, симпатии к прежней аристократии или стремление обеспечить свою безопасность в новых условиях? Не нам судить. Но известно: в знак признательности своему спасителю Романовы организовали праздничный обед в его честь.

Когда Задорожный покидал Крым, чтобы отправиться на родину, в Харьковскую губернию, где до революции якобы работал писарем на Харитоновском сахарном заводе, Мария Федоровна и великие князья очень трогательно простились с ним. 2 октября 1918 года вдов-

°9

Революционные матросы обыскивают дворец Дюльбер.

°10

Члены дома Романовых во дворе дворца Дюльбер после оккупации Крыма немцами. 1918 год.

°11

Германские войска в Севастополе. 1918 год.

СТОП-КАДР

«Ну до чего же я страшен!»

Весной 1918 года скульптор Дерюжинский на вилле Юсуповых «Сосновая роща», между Дюльбером и Ай-Тодором, взялся вылепить бюст комиссара. Благодаря этому, сохранился снимок, запечатлевший Задорожного, скульптора и сам бюст. С интересом рассматривая скульптуру, Задорожный по-детски улыбался и говорил: «Бог мой, ну до чего же я страшен! Впрочем, моя мать все равно меня любит. А моя подружка, глядя на мои маленькие уши, говорила: «Филипп, люди с маленькими ушами очень хитрые».

Бюст комиссара был представлен в Ялте в октябре 1918 года на выставке «Искусство в Крыму». Скульптор Дерюжинский собирался подарить его вдовствующей императрице Марии Федоровне, вместе с которой ушел из Крыма на линкоре «Мальборо». Но судьба этого произведения неизвестна.

12

НЕМЕЦКИЙ ГЕНЕРАЛ БЫЛ НЕСКАЗАННО УДИВЛЕН, КОГДА ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ПОПРОСИЛИ НЕ РАССТРЕЛИВАТЬ ЗАДОРОЖНОГО. И В ЗНАК ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ УСТРОИЛИ ОБЕД В ЧЕСТЬ СВОЕГО СПАСИТЕЛЯ

шлось делать вид, будто он таков, иначе его прогнали бы и заменили кем-нибудь похуже. Он не решался смотреть на меня, поскольку знал о том, что меня собирались убить, и ему было так больно. Как же все-таки это трогательно! Я очень рада, что вновь смогла поблагодарить его за все».

ствующая императрица записала в дневнике свои впечатления от последней встречи с Задорожным:

«Поднялась очень рано, потом пришла Ольга, и сразу за нею — Задорожный, которого мы так рады были снова увидеть. Долго беседовали с ним обо всем, что нам довелось пережить за целую зиму. Я сказала, что поначалу считала его омерзительным, настоящим палачом. Он рассмеялся и ответил, что ему при-

...11 апреля 1919 года британский линкор «Мальборо» увез спасенных Романовых из Крыма за границу. Как оказалось, навсегда. Задорожному уезжать было некуда. Он растворился в Истории так же загадочно, как и возник, поднятый на поверхность революционной волной. Но успел преподнести современникам и потомкам, может быть, самый важный урок кровавой и беспощадной Гражданской войны, на которой люди, оказывается, могли оставаться людьми.

° 12

Мария Федоровна и Николай Николаевич на борту британского линкора «Мальборо» 11 апреля 1919 года.

° 13

Дворец Дюльбер сегодня.

13

КОММЕНТАРИЙ ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК СЕМЕНА ЭКШТУТА

ЭХО МИЛОСЕРДИЯ

ПОЧЕМУ ФИЛИПП ЗАДОРЖНЫЙ РИСКОВАЛ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

РАДИ СПАСЕНИЯ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ

Я

Я полагаю, что Задорожный — не настоящая фамилия, а

партийный псевдоним человека, сведения о котором по сию пору нигде не удалось обнаружить. Его нет ни в списках офицеров Императорского флота (Задорожный утверждал, что служил офицером на эскадренном броненосце «Ростислав»), ни среди постоянного или переменного состава Севастопольской (Качинской) офицерской школы авиации (Задорожный упоминал, что служил там в 1916 году). Отсутствует он и в списках жертв политических репрессий или участников Великой Отечественной войны.

Расследование «Родины» (о чем будет сказано ниже) позволило слегка развеять туман вокруг этой загадочной фигуры. Но, на мой взгляд, не менее важно понять: что движет людьми, которые в эпоху страшных переломов истории, проявляют милосердие. Ведь Филипп Задорожный — не первый из них...

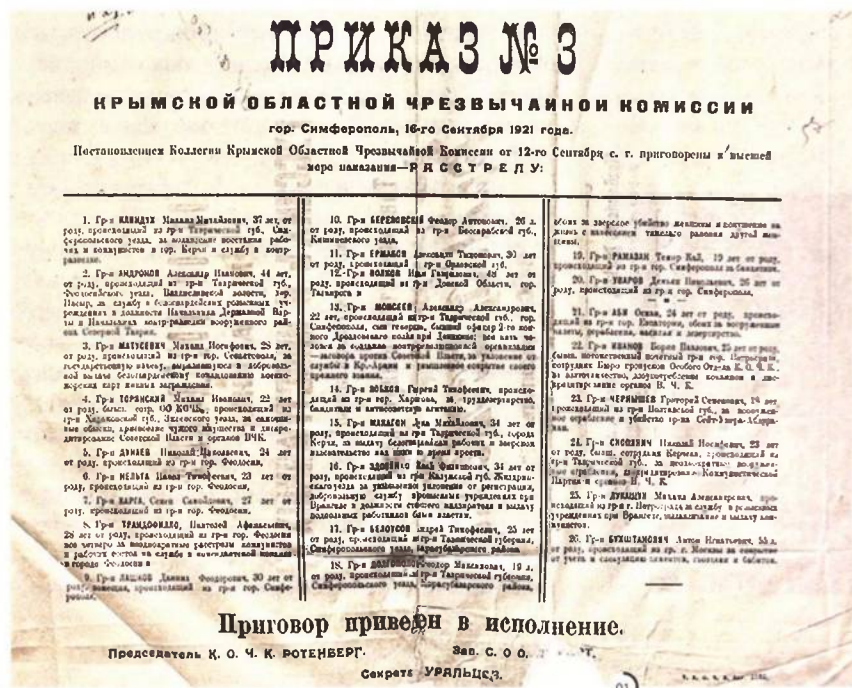
Виконт Дорт из 1918-го

На протяжении нескольких веков, начиная с раннего Нового времени, во всемирной истории отчетливо прослеживается противостояние двух взаимоисключающих тенденций.

С одной стороны, в периоды религиозных войн, революционных перемен, смуты и безначалия неистовство разгневанной толпы достигает максимума: террор принимает дикие формы, а ценность отдельно взятой человеческой жизни превращается в исчезающе малую величину, стремящуюся к нулю.

С другой — вопреки жестокости и бессердечию окружающего мира, преодолевая всеобщий страх, пробивает себе дорогу и утверждается мысль о гуманности и милосердии. Без этой тенденции невозможно представить себе золотой век русской литературы. Наиболее точно написал об этом Пушкин:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

«Варфоломеевские ночи» — именно так образованные свидетели прозвали массовый террор в Крыму. По аналогии с Варфоломеевской ночью 1572 года во Франции, когда в ночь на 24 августа (день св. Варфоломея) католики устроили в Париже массовую резню гугенотов. После Варфоломеевской ночи французский король Карл IX писал ко всем губернаторам, приказывая им умертвить гугенотов. Однако виконт Дорт, комендант крепости Байона, отвечал королю: «Государь! я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача!»

Даже в жестоком XVI веке можно было проявить человечность! Прошло почти 250 лет, и князь П.А. Вяземский в своих «Записных книжках» так прокомментировал слова коменданта: «И сей ответ отзывается во всех благородных душах и перейдет из века в век. ...Неужели в русской армии не найдется ни одного Дорта?»¹

А еще через сто лет на риторический вопрос князя Вяземского положительно ответил матрос Задорожный. Эхо милосердия откликнулось...

Цербер с принципами

Сам Филипп Львович отлично осознавал, что за проявленное им милосердие к Романо-

*1

Приказ Крымской областной ЧК о расстрелах. Октябрь 1921 года.

вым, которых матросы, творившие самосуд, считали тиранами и с которыми жаждали расправиться, он может поплатиться жизнью. Во время работы скульптора Глеба Владимировича Дерюжинского (1888–1975) над бюстом Задорожного между мастером и его моделью состоялся назидательный диалог:

«Почему вы готовы рисковать своей жизнью ради императорской фамилии? Вы что, тайный монархист? — Нет, — отвечал Задорожный, — я эсер, но я считаю, что ни у кого нельзя отнимать жизнь насильственно. Мне было поручено охранять их, что я и буду делать, пока не придет время передать их новому правительству целыми и невредимыми, а уж пусть оно решает, как с ними поступить»².

Практически все узники Дюльберга отзывались о Задорожном с большой теплотой, отлично осознавая, что в эпоху Русской смуты заполучить столь гуманного и милосердного человека в качестве собственного тюремщика — невероятная удача. Вспоминает князь Феликс Юсупов (содержавшийся под надзором в соседнем имении), зять великого князя Александра Михайловича:

«Становилось все очевидней: цербер наш Задорожный предан нам душой и телом. Объяснил он, что хочет выиграть время, пока препираются о судьбе пленников кроваваджы ялтинцы с умеренными севастопольцами, желавшими, в согласии с Москвой, суда. Я посоветовал ему

ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ УЗНИКИ ДЮЛЬБЕРА ОТЗЫВАЛИСЬ О ЗАДОРЖНОМ С БОЛЬШОЙ ТЕПЛОТой: В ЭПОХУ РУССКОЙ СМУТЫ ЗАПОЛУЧИТЬ ТАКОГО ТЮРЕМЩИКА БЫЛО НЕВЕРОЯТНОЙ УДАЧЕЙ

сказать в Ялте, что Романовых надо везти на суд в Москву, а убить их — они и унесут все государственные тайны с собой в могилу. Задорожный так и сделал»³.

Настало время сказать о том, кто поручил Задорожному охранять Романовых, о главе «умеренных севастопольцев», в чьих руках был редчайший в годы Гражданской войны ресурс — лимит на милосердие.

Этого человека звали Юрий Петрович Гавен (настоящее имя и фамилия — Ян Эрнестович Даман, 1884–1936).

Ставленник Якова Свердлова

Именно Гавену принадлежит идея перевести Романовых во дворец-крепость Дюльбер. Гавен был профессиональным революционером, активным участником Первой русской революции, прошедшим через тюрьму, истязания, ка-

торгу и ссылке в Сибирь. Февральская революция застала его в Минусинске, а в Севастополь он прибыл в начале октября 1917 года, еще до взятия большевиками Зимнего, с мандатом ЦК РСДРП(б) и напутствием самого Якова Свердлова (1885–1919), который в тот момент был членом Секретариата ЦК и главным организатором работы по продвижению и расстановке кадров на ключевых постах.

«Ваша задача, — заявил Яков Михайлович, — превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья.

Севастополь должен стать Кронштадтом Юга»⁴.

В ночь на 16 декабря 1917 года Гавен был избран председателем Севастопольского Военно-революционного комитета, а 18 декабря стал членом президиума Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов, председателем горкома большевиков. Да, «пламенный революционер» Гавен несет персональную ответственность за «варфоломеевские ночи» в

² Юрий Петрович Гавен (1884–1936).

³ Схема расположения имений Романовых в Крыму.

Крыму. Однако именно Гавен был одним из немногих «умеренных» большевиков, пытавшихся хоть как-то ограничить насилие со стороны толпы. Он никогда не был ни изувером, ни садистом и считал, что монополией на насилие обладает лишь государство, поэтому власть должна решительно пресекать самоуправство люмпенов, занимавшихся грабежами и самосудами.

В декабре 1920 года Юрий Петрович очень четко сформулировал собственное отношение к массовым репрессиям:

«Я лично тоже стою за проведение массового красного террора в Крыму, чтобы очистить полуостров от белогвардейщины (считаю нужным напомнить, что я применял массовый красный террор еще в то время, когда он еще партийно официально не был признан. Так напр., в январе 1918 г. я, пользуясь властью пред. Севаст. Военно-Революционного Комитета, приказал расстрелять более пятисот офицеров-контрреволюционеров). Но у нас от крас. террора гибнут не только много случайного элемента, но и люди, оказывающие всяческую поддержку нашим подпольным работникам, спасавшим их от петли»⁵.

Именно этот человек инструктировал Филиппа Задорожного перед его дюльберской миссией.

Расплата за милосердие

В декабре 1920 года член Крымского ревкома Гавен, пытаясь заручиться поддержкой Москвы и рискуя своей репутацией, не побоялся выступить против своего непосредственного начальника — печально известного председателя Крымского ревкома Бела Куна. На территории полуострова полным ходом шло изуверское уничтожение «классовых врагов», оставшихся в Крыму после эвакуации армии Врангеля («Родина» подробно рассказывала об этом, № 8, 2016).

Гавен стремился притормозить репрессии, развязанные Бела Куном. «По-моему, он один из тех работников, который нуждается в сдерживающем центре. ...Здесь он превратился в гения массового террора».

Бела Кун не остался в долгу. В его глазах Гавен «стал коммунистом, находящимся под влиянием мелкой буржуазии»⁶. Победа осталась за Бела Куном, чьи чрезвычайные полномочия на проведение массовых репрессий были санкционированы руководством партии большевиков. Красный террор в Крыму продолжался...

Но за три года перед тем, с декабря 1917-го до апреля 1918-го, большевистскому руководству было не до тотальных крымских репрессий. В те месяцы Гавен блестяще выполнил поручение одного из властителей советского военно-политического олимпа: «Севастополь стал Кронштадтом Юга. Сбылась воля Всероссийского шкипера Якова Свердлова»⁷. Еще был жив сам Свердлов, еще не были расстреляны Николай II и члены его семьи. Осевшие в Крыму Романовы с точки зрения реальной политики и перспектив реставрации монархии не были опасны для центральной власти. Поэтому центр не стал вмешиваться в действия человека, стоявшего во главе «Кронштадта Юга».

Тот сполна использовал свой лимит на милосердие — и Романовы не стали жертвой самосуда.

Гавен будет арестован 4 апреля 1936 года. Ему поставят в вину не только троцкизм, но и то, что «благодаря его политике «борьбы с анархией» царская семья во главе с Марией Федоровной, Николаем Николаевичем и т.д. преспокойно жила, вплоть до прихода немцев, в своих южнобережных дворцах и даже охранялась от «анархистствующих» ялтинских красногвардейцев»⁸.

В СССР уже начал раскручиваться маховик Большого террора. Проявивший преступное милосердие Гавен станет одной из первых жертв и будет расстрелян 4 октября 1936 года. Его антипода, «гения массового террора» Бела Куна, казнят 29 августа 1938 года.

ОТ РЕДАКЦИИ

«Родина» предполагает, что настоящую фамилию спасителя Романовых можно установить, если обнаружить ее как в списке Севастопольской (Качинской) офицерской школы (он существует), так и в списке офицеров эскадренного броненосца «Ростислав» (таковой пока не обнаружен). Редакция будет признательна читателям за любую помощь в установлении этого списка. Пишите нам по адресу: rodinainfo@rg.ru

° 4

Президиум ЦИКА Крымской АССР первого созыва. В центре сидит Ю.П. Гавен, возглавивший Крымскую АССР в ноябре 1921 года.

¹ Вяземский П.А. Записные книжки (1813-1848). М.: Наука, 1963. С. 62 (Литературные памятники).

² Дерюжинский Г.В. В Крыму // Новый журнал. Нью-Йорк, 1990. № 179. С. 239-254 // <https://vk.com/wall-102592507?offset=200&ysclid=16dchrthsl739209384>

³ Князь Феликс Юсупов. Мемуары. Гл. 26. М.: Захаров, 2007 // <https://www.litmir.me/br/?b=113826&p=53>

⁴ Гавен Ю.П. Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. Симферополь: Крымиздат, 1922. № 1. С. 5.

⁵ Из письма члена Крымревкома Ю.П. Гавена члену Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому. 14 декабря 1920 г. // Хрестоматии по отечественной истории (1914-1945 гг.) / под редакцией А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1996. С. 252. Впервые опублико-

вано: Родина. 1991. № 4. С. 100-101.

⁶ Там же.

⁷ Гавен Ю.П. Указ. соч. С. 18.

⁸ Вертепова Л. О событиях 1918 года в великокняжеских имениях ЮБК (по письмам и воспоминаниям скульптора Г.В. Дерюжинского) // Старая Ялта. 2013. № 7 // <http://oldyalta.ru/574-o-sobytyiah-1918-goda-v-velikoknyazheskih-imeniyah-yubk.html?ysclid=16d947zc8q624483237>